


# ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 7 Пятница, 4 (17) марта 1905 г. № 7


## Исторія народа и война.

Поучительная былина. — Сухопутная колонизація. — Ермакъ. Наши пропавшія открытія. — Заморская колонизація. — Что дастъ успѣхъ на войнѣ.

1.

За внѣшнимъ блескомъ побѣдъ и почестей побѣдителямъ-вождямъ, забываются тѣ, кому обязаны побѣдители.

Любопытный обычай существовалъ у римлянъ въ эпоху республики, когда народъ сознавалъ свою державную силу. Тріумфаторъ долженъ былъ слушать пѣсни и замѣчанія, въ которыхъ солдаты критиковали его недостатки. Ту же идею выражаетъ наша былина объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Калинѣ. Князь Владиміръ разгнѣвался на богатырей. Посадилъ Илью Муромца въ темницу. Всѣ богатыри его покинули. Но вотъ напали татары. Илью Муромца князь выпустилъ, чтобы отстоять Кіевъ. Идетъ Илья за богатырями, но тѣ отказываются помочь. Тогда Илья одинъ разбиваетъ татаръ и спасаетъ князя Владиміра и Кіевъ.

Поучительная былина!

Илья Муромецъ—представитель крестьянства, оставившаго деревню для вольнаго житья въ степи или въ лѣсу. Собирательный Илья Муромецъ,—наше казачество, колонизовавшее обширнѣйшую въ мірѣ территорію. Сибирь была пріобрѣтена казаками. На самомъ концѣ ея, въ увѣковѣченіе памяти, голый утесъ носитъ козацкое имя Дежнева. Первыми піонерами колонизаціи уже государствомъ завоеванныхъ областей Кавказа и Туркестана были также казаки. Сухопутная колонизація—это стихія нашего народа. Заморская имъ не удавалась. Захватъ Аляски, проданной въ 1868 году американцамъ, говоритъ не въ пользу нашихъ заморскихъ колоній. Запорожскіе челны гибли въ морской пучинѣ отъ турокъ, и нашимъ смѣльчакамъ оставались лишь степь и рѣки для колонизаціи. Заморская затѣя Ашинова въ Африкѣ доказала съ неопровержимостью, что сухопутное государство не можетъ поддержать заморскихъ колоній. Наконецъ, въ наше время поиски Бѣловодія, гдѣ три казака-уральца являются не только искателями приключеній, но и развѣдчиками новыхъ мѣстъ, гдѣ бы могла на свободѣ отъ религіозныхъ преслѣдованій жить казацкая община,—показываютъ, что исканіе заморскихъ колоній существуетъ и доселѣ въ народѣ.

Такъ же неудачна и государственная заморская колонизація. Правда, это только начало. „Первый блинъ комомъ." Теперь трудно оспаривать, что неудачно пріобрѣтенъ Портъ-Артуръ раньше, чѣмъ угольныя станціи.

Гдѣ можетъ быть база нашего флота? Если бы государство всегда слѣдовало за народнымъ теченіемъ, какъ видимъ это въ московскій періодъ, то, конечно, мы имѣли бы на Аляскѣ въ Новоархангельскѣ или другомъ пунктѣ въ тылу Японіи—свою гавань.

2.

Нельзя того же сказать о народной сухопутной колонизаціи. Ермакъ, новый Илья Муромецъ, покорилъ Сибирь. Грозный царь далъ помогу казакамъ. Сибирь оказалось удобной для колонизаціи. Преемники Грознаго посылали постепенно дальше и дальше на востокъ воеводъ, не стѣсняя и поддерживая казацкое движеніе вплоть до Великаго океана. Петръ Великій послалъ экспедицію опредѣлить, соединяется-ли Азія и Америка, — послалъ помогу казакамъ, переплывшимъ проливъ. Не суждено ему было знать ея результатовъ. Экспедиція Беринга въ 1741 году открыла проливъ, который на сто почти лѣтъ раньше переплылъ Дежневъ. Но удержалось за проливомъ названіе Берингова, какъ удерживалось послѣ Петра Великаго петербургское правительство отъ необходимой поддержки государствомъ народной колонизаціи. Морскія экспедиціи въ Великомъ океанѣ носятъ какой-то интернаціональный отпечатокъ. Нами многое открыто и ничего не присоединено. Островъ Суворова и др. имена уже на нашихъ глазахъ получаютъ нѣмецкія и англійскія названія. Японцевъ не пускаютъ морскія націи на острова Великаго океана въ Полинезіи. Будетъ-ли въ ближайшемъ будущемъ Великій океанъ европейскимъ Архипелагомъ, или американскимъ--намъ, націи сухопутной, мало горя. Рыбу ловить на нашихъ берегахъ врядъ ли намъ особенно помѣшаютъ: Морская Европа должна насъ хранить, какъ буферъ противъ желтой расы.

Грозны мы на сушѣ. На морѣ насъ никогда не боялись. Всюду при парусномъ флотѣ наши суда были желанными гостями. Я говорю про военный флотъ. Торговцы иностранцы богатѣли отъ морской торговли, а мы сокрушали Турцію, чтобы отдать ее англичанамъ и нѣм-



Генералъ-лейтенантъ А. М. Стессель.
Съ фотографіи К. Булла, снятой на-дняхъ въ С.-Петербургѣ.



Ген. Рейсъ. Ген. Ноги. Ген. Стессель.

Переговоры о капитуляціи Портъ-Артура въ главной квартирѣ генерала Ноги.

цамъ. Нашъ флотъ торговый не существовалъ, какъ и теперь. Чего мы искали на океанахъ? Славы открытій. Какъ хорошъ былъ бы для васъ берегъ Миклухи-Маклая на Новой Гвинеѣ! Но мы дѣла этого подвижника не поддержали.

Порвалась послѣ Петра Великаго нить между государствомъ и народомъ.

Всѣ помыслы государства направлены сначала на отношенія къ Западу, главнымъ образомъ, на освобожденіе русскихъ отъ польскаго ига, а потомъ на выходъ изъ Чернаго моря. Перваго почти достигло государство. Второе оказалось неосуществимымъ въ виду противодѣйствія Европы: здѣсь мы стали бы на пути ея всесвѣтнаго морского вліянія. Въ борьбѣ за выходъ изъ Чернаго моря мы растратили силы, и на Дальнемъ Востокѣ лишь могли удержать Амуръ, отказавшись отъ Аляски. Народная колонизація Сибири, предоставленная собственнымъ силамъ, тормозилась въ петербургскомъ періодѣ исторіи учрежденіемъ въ Сибири каторги.

Изъ-за петербургскаго тумана не видно было жизни великаго народа, жизни всегда и всюду опирающейся на колонизацію. Завоеваніе Кавказа и Туркестана расширило сферу колонизаціи, но не дало ей новаго направленія на югъ, потому что это завоеваніе повторило политику ссылки въ новопріобрѣтенныя области.

Духоборы и менониты на Кавказѣ тому печальный примѣръ.

3.

Государство пріобрѣло заморскія колоніи, но пошло къ нимъ сухимъ путемъ по манчжуркѣ безъ народа. Морской подготовки этого дѣла не было сдѣлано

Мы молодые моряки, мы только начинаемъ.

Но начало-то „больно" неудачно. Испугавшись далекаго морского похода, мы готовы были двинуться чрезъ Ледовитый океанъ, по нашему морю, никѣмъ не оспариваемому за негодностью для плаванія.

Надежды на бронированный „Ермакъ" не оправдались. Кольчуга утопила казака въ рѣкѣ Иртышѣ. Бронированный кулакъ нуженъ морскимъ колонистамъ для нападенія, а намъ лишь для защиты. Расходы на флотъ будутъ такъ же не производительны, какъ невозможна была борьба запорожцевъ съ турками, ашиновцевъ съ французами. Пожретъ вновь нашъ флотъ морская пучина, а мы, казаки-колонизаторы, должны будемъ итти по рѣкамъ и степямъ. Мы не морскіе колонисты.

Опытъ народной и государственной колонизаціи показалъ нашу несостоятельность въ этомъ отношеніи.

Это надо сознать и создавать не училища дальняго плаванія, а сухопутной колонизаціи, т. е. земледѣльческія, техническія, торговыя, смотря по потребностямъ мѣста.

Морскимъ народомъ мы не сдѣлаемся, хотя бы и одержали побѣду надъ Японіей на морѣ.

Я вѣрю словамъ Суворова: „побѣждаетъ душа человѣка, а не руки, ноги". Если мы и побѣдили бы Японію на морѣ, то Америка, Англія и Германія не дадутъ намъ мѣста на морѣ. На нашей территоріи намъ довольно и мѣста и работы. Не умѣли мы до сихъ поръ обрѣсти богатства по нашему невѣжеству. Нашъ мужикъ еще вѣритъ Перуну, и Микула Селяниновичъ все еще боится, какъ бы у него не украли сохи. И правильно: рядомъ съ нимъ давно уже живетъ загадочный драконъ, который ревностно стережетъ не то золото, что зарыто въ Манчжуріи и Монголіи, а ея плодородную почву, необходимую ему для колонизаціи.

Въ настоящей войнѣ Китай несомнѣнно помогаетъ Японіи, а мы все громче и громче злимся на Англію. Одна ли она противъ нашей морской колонизаціи?! Мы неправильно упрекали ее, что она за золото и брилліанты бурской земли вела тяжелую войну три года. Если бы такъ это было, то и нашихъ искателей приключеній на „манчжуркѣ" привлекли золотыя розсыпи Манчжуріи. Мы готовы думать, что удержаніе за собой этихъ розсыпей насъ обогатитъ и сдѣлаетъ сильнѣй. Но нигдѣ и никогда ходъ исторіи не зависѣлъ отъ золота. Много его имѣла Испанія съ пріобрѣтеніемъ Америки, но мало колонистовъ землеробовъ въ широкомъ смыслѣ. Страна солдатъ и монаховъ погибла съ пріобрѣтеніемъ американскаго золота. Не въ чести у нея былъ трудъ землероба-мавра и торговца-еврея. А трудъ и знаніе—истинная основа силы и могущества, не могли ея солдатамъ и монахамъ дать того въ исторіи, что дано нѣмцамъ, такъ поклоняющимся этимъ идоламъ, а не золотому тельцу.

4.

Не золото даетъ побѣду въ морѣ и на войнѣ. Государство, желая сохранить свое вліяніе на сосѣдей, должно не забывать, что исторію всѣхъ народовъ создалъ народъ, колонизаторъ землеробъ или торговецъ. Защита территоріи во всѣ времена—защита колонистовъ. У насъ эта сторона исторіи менѣе всего сознается, въ виду зловреднаго вліянія тенденціозныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ. Тамъ по преимуществу хвала тріумфаторамъ, а нѣтъ и слѣда критики народа. „Народъ безмолвствуетъ". Только былины еще помнятъ эту критику. Для выясненія будущаго, мы должны обратиться къ народной исторіи.

Правду надо устроить въ своей землѣ. А для этого надо старательно изучать свою страну. Мы ея не знаемъ, если можемъ писать *): „Японія вступила на путь промышленныхъ государствъ потому, что этотъ путь быстрѣе другихъ ведетъ къ обогащенію, хотя въ то же время онъ и наиболѣе опасенъ для населенія государства. Ей волею-неволею пришлось искать покупателей. Таковыми могли быть только ближайшіе сосѣди, корейцы и китайцы Сѣвернаго Китая. Конечно, Японія предпочла бы торговать съ болѣе населеннымъ и болѣе богатымъ Южнымъ Китаемъ, но тамъ она встрѣчаетъ сильныхъ соперниковъ въ торговлѣ въ лицѣ англичанъ, нѣмцевъ и американцевъ, которые также заняты поисками новыхъ рынковъ для сбыта. Между тѣмъ, въ Кореѣ и Манчжуріи она не встрѣчаетъ себѣ иныхъ соперниковъ кромѣ русскихъ, промышленность которыхъ до сихъ поръ еще слабо развита" **).

Оставимъ критику этого текста историкамъ, особенно тѣмъ, кому дороги миѳологія бабушекъ и бабушкины сказки.

Развѣ, съ точки зрѣнія современной дѣйствительности, нашъ фабрикантъ можетъ удовлетворить ся внутреннимъ народнымъ рынкомъ? Посмотрите, г. полковникъ, надписи на ситцахъ и коленкорахъ Саввы Морозова и др. Развѣ нашъ пахарь бросилъ бы свою деревенскую свободу, развѣ онъ промѣнялъ бы ее на фабричный трудъ, если бы искусственно привитая промышленность обрабатывающая (терминъ географическій) не поддерживалась государствомъ въ ущербъ земледѣлію. Нашимъ сахаромъ откармливаютъ англійскія свиньи. А народу приходится пить чай въ прикуску, потому, что торговый балансъ нашъ съ минусомъ.

*) „Когда, и какъ окончится наша война съ Японіей". Составилъ подполковникъ Заустинскій. Спб. 1905.

**) Кстати и составители учебниковъ географіи не грѣшны въ познаніяхъ по этой наукѣ.

Народъ не понимаетъ временной государственной необходимости займовъ и вооруженій для защиты его же достоянія—земли. Но я спрашиваю, развѣ нашъ народъ да и образованное общество, не знающее своей страны, можетъ подумать, что „эта война для Россіи—вопросъ жизни и смерти", какъ пишетъ цитированный авторъ. Сибиряки это хорошо понимаютъ. Страннички и босяки, учителя географіи нашего народа, отлично сознаютъ „желтую опасность". Но военная непогода настолько заглушила ихъ голосъ, что нашъ землеробъ, забывши о своемъ же братѣ, умирающемъ на поляхъ Манчжуріи, въ городѣ уже видитъ свое будущее.

Онъ не понимаетъ, что теперь ни городъ не можетъ существовать безъ деревни, ни деревня безъ города. Много знаній техническихъ, военныхъ и другихъ надо, чтобы побѣдить врага.

Больше всего необходимо единство.

Это единство можетъ создать лишь сознаніе всей важности настоящаго историческаго момента, но объясненія его, повторяю, надо искать не въ бабушкиныхъ сказкахъ нашей исторіи, манкировавшей народомъ, а въ современной географіи. Надо безотлагательно устраивать чтенія и выяснить міровое положеніе Россіи и это не только для „простого человѣка", какъ дѣлаетъ цитированный авторъ, но и для нашей интеллигенціи, воспитанной въ школѣ „непротивленія злу".

*Ѳедоръ Шубинъ.*



## Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

### Вегетаріанство.

Пріездъ убѣжденнаго и вѣрующаго позитивиста Фрея внесъ много свѣжести и духовной новизны въ жизнь Ясной Поляны.

Левъ Николаевичъ впервые (это было въ 1885 г.) услышалъ отъ Фрея проповѣдь вегетаріанской пищи и впервые увидѣлъ человѣка, сознательно отрекшагося отъ всякой убоины.

— Какъ это хорошо! Какъ это хорошо!— восторгался Левъ Николаевичъ. — Но можетъ-ли одна растительная пища быть достаточной для человѣка?

— Достаточно даже однихъ пшеничныхъ зеренъ,—отвѣтилъ Фрей.—Стоитъ ихъ только просушить и употреблять въ ѣду.

— Какъ, не въ молотомъ видѣ?—ужаснулся Левъ Николаевичъ.

— Но есть-ли у человѣка лучшая мельница, чѣмъ его собственный ротъ?—фигурально отвѣтилъ Фрей и вызвалъ бурю восторга этимъ отвѣтомъ.

Восхищенію Льва Николаевича не было границъ. Онъ обнималъ Фрея, цѣловалъ его и всячески выражалъ ему свое расположеніе.

— Я говорю о зернахъ, — продолжалъ Фрей,—потому что теперь ихъ какъ будто легче добывать. Но, въ сущности, человѣку свойственна не эта злачная, добываемая на поляхъ пища. Человѣку свойственна пища другая, еще болѣе благородная, ради добыванія которой онъ не долженъ прибѣгать къ срѣзыванію или вырыванію стеблей, т. е. къ тому же убійству растенія. Къ радости кроткаго духа нашего, сама природа строенія тѣла человѣческаго учитъ насъ жить и кормиться чудною пищей, полной райскихъ ароматовъ дѣвственныхъ садовъ, бывшихъ на зарѣ прекраснаго утра земной жизни. Да! И строеніе зубовъ, и длина кишечника съ неопровержимой ясностью доказываютъ, что

человѣкъ не хищное животное, проглатывающее растерзанную чужую жизнь. У него нѣтъ тѣхъ рѣдко-сидящихъ въ челюсти и остроконечныхъ зубовъ, какіе нужны хищнику. И длина кишечника у него гораздо больше, чѣмъ у хищныхъ животныхъ, у которыхъ кишечникъ короткій, потому что пища проходитъ болѣе короткій путь всасыванія. Эти два обстоятельства лучше всякихъ трактатовъ доказываютъ уродливость нашего питанія мясомъ. Оно не свойственно намъ, и никакое искусство нашей кухни съ ея виртуозами-поварами не въ состояніи обмануть нашу натуру.

Она противится чуждой пищѣ и мститъ намъ тяжелыми болѣзнями и нервными разстройствами, вплоть до безнадежнаго помѣшательства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно также, что человѣкъ и не травоядное животное. Его кишечникъ для этого слишкомъ коротокъ, онъ долженъ бы быть вдвое длиннѣе, а зубы не такъ широки, какъ у травоядныхъ. Человѣкъ принадлежитъ къ иной категоріи животныхъ,—которымъ свойственна пища другая—плоды. Не плотоядное, не травоядное, а плодоядное животное—человѣкъ. И изъ всѣхъ плодовъ лучше всего яблоки. Возьмите, напримѣръ, обезьянъ въ лѣсахъ. Онѣ питаются только яблоками, а какія онѣ гибкія, ловкія, сильныя. Ударомъ кисти горилла дробитъ черепъ льва, зубами сплющиваетъ дуло ружья.

А ѣстъ только яблоки.

Не даромъ библія начинаетъ свое сказаніе о людяхъ, жившихъ въ садахъ и также ѣвшихъ яблоки. Память человѣчества вѣрно передаетъ ему прошлое. И какъ далеко мы ушли въ сторону отъ этого чистаго, хорошаго прошлаго!..

Безсильные въ своей злобѣ и дикой аргументаціи, мясоѣды прибѣгаютъ къ такимъ ухищреніямъ. Они говорятъ, что употребленіе мяса—это благодѣтельный процессъ для высокаго совершенствованія неразвитой твари, ибо мясо животнаго таинственнымъ образомъ въ организмѣ человѣка уподобляется въ форму свѣтлой мысли вдохновеннаго чувства, благороднаго поступка. Вещество немыслящей твари освящается и очищается черезъ тайну питанія, происходящаго въ нашемъ тѣлѣ. Что жъ тутъ, говорятъ они, безнравственнаго? Наоборотъ, скоты намъ должны быть благодарны, что мы ихъ ѣдимъ.

Точь въ точь Ницше съ своей теоріей сверхъ-человѣка. Онъ говоритъ, что вещественныя блага обездоленной массы должны итти на высокое дѣло развитія новаго типа. Очень можетъ быть, что низшее человѣчество и страдаетъ тамъ на поляхъ, на шахтахъ, въ рудникахъ, на заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и пр. и пр., очень можетъ быть, но тѣ вещественныя блага, которыя добываются рабочимъ классомъ, претворяются таинственнымъ образомъ въ новый, чудный типъ цивилизованнаго человѣка. Страданія вполнѣ выкупаются въ общей экономіи природы, а нечистота капитализма освящается высотой сверхъ-человѣка...

— Я слушаю васъ и ваши прекрасныя сопоставленія,—подхватилъ Левъ Николаевичъ,—и вспоминаю одну легенду, которую мнѣ монахи разсказывали въ Оптиной пустыни, когда я ходилъ туда молиться...

Вотъ эта легенда.

Въ началѣ Богъ сотворилъ міръ духовный, міръ ангеловъ. Они пѣли хвалу Господу и созерцали величіе Его. Но вотъ, любимѣйшій изъ ангеловъ, объятый гордостью и завистью, возмутилъ цѣлый сонмъ небожителей и дерзнулъ возстать противъ Бога. Богъ низринулъ его съ тьмами его приверженцевъ въ мрачный Тартаръ.

Падшіе ангелы превратились въ духовъ злобы, а ихъ начальникъ сталъ называться Сатаной.

Оставшіеся на небѣ покорные Богу ангелы взмолились Господу:

— Горе, горе намъ! Ты лишилъ насъ товарищей, и число наше не пополнится...

И прогнѣвался на нихъ Господь:

— Маловѣрные! Не знаете силу Мою? Такъ вотъ вамъ: изъ мерзѣйшей въ мірѣ твари создамъ подобнымъ вамъ и пополню число ваше!..

И во гнѣвѣ своемъ сотворилъ Богъ человѣка.

Люди обременены тяжкимъ трудомъ, живутъ въ страстяхъ, въ похоти, въ страданіяхъ, но все не напрасно. Среди нихъ есть святые уголки—монастыри, куда стекаются дщери и сыны страждущей твари, а въ монастыряхъ, по волѣ Божіей, изъ этой мерзѣйшей твари нарождаются ангелоподобныя существа, дабы восполнилось число павшихъ...

И тутъ же, за стѣной кельи, я слышалъ, раздавался свистъ большой продольной пилы: жвить!.. жвить!..

Это наемные пильщики рѣзали доски для обителей „будущихъ ангеловъ“.

— Да, мой другъ, властно въ жизни царствуетъ обманъ, и вы безконечно правы.

— Спасибо, спасибо вамъ за ваше умное и честное слово. Я непремѣнно брошу мясо и послѣдую вашему примѣру.

И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ Левъ Николаевичъ не ѣстъ убоины и одно время доходилъ до питанія одной болтушкой изъ овсянки.

***И. Тенеромо.***



## Историческія воспоминанія.

**Великая страда.—Героическія средства.—Мостики и мосты.—Парады и война.—Мечты фронтовика.—Сермяжное воинство.—Уклоненія отъ субординаціи.—Любители женскихъ формъ и покровительницы мужской красоты.**

### I.

Интересны и поучительны записки П. Н. Глѣбова, начатыя печатаніемъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Русской Старины“.

Главный интересъ записокъ сосредочивается на тѣхъ отдѣльныхъ фактахъ и эпизодахъ, которые приводитъ Глѣбовъ, передавая непосредственныя впечатлѣнія о своемъ участіи въ севастопольской эпопеѣ.

Дни геройской обороны уже были сочтены. Люди въ конецъ измучены, желѣзные нервы истерзаны. Ядра, гранаты, бомбы и картечь, ракеты и штуцерныя пули осыпали бастіоны и днемъ, и ночью. Непріятель не давалъ отдыха. Въ блиндажахъ грязь, мерзость, вонь. Пули не щадятъ и этихъ укрытыхъ мѣстъ и, залетая сюда, вырываютъ защитниковъ. Кадры ихъ рѣдѣютъ. Смерть своего рода спасеніе, благодать. Жизнь—сплошныя лишенія, сплошной ужасъ, вѣчная тревога.

Люди и герои гибнутъ тысячами, замѣнить умершихъ некому. Война застигла Россію врасплохъ, въ полной неподготовленности. „Какъ много, — восклицаетъ Глѣбовъ,—въ мирное время начальниковъ, такъ сказать, ретивыхъ, и какъ мало ихъ во время войны! Сойдетъ одинъ съ поприща, и некѣмъ замѣнить его“.

Главнокомандующій до того сосредоточенъ въ себѣ самомъ и до того озабоченъ, что онъ не только не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ его, но даже и не помнитъ многаго. Вообще, какъ я полагаю, рѣдко изъ начальника штаба, который уходилъ себя канцелярскою работою, можетъ выйти хорошій главнокомандующій.

Князь Горчаковъ казался до того сосредоточенъ, что не касался ничего, что не входило въ составъ его канцеляріи. Предположенная на 1-е августа (1857 г.) общая атака занимаетъ всѣ его мысли. Положеніе гарнизона самое отчаянное. Главнокомандующій нерѣшительно медлитъ въ своихъ движеніяхъ. Генералы настаиваютъ, что „лучше умереть разомъ и скорѣе, чѣмъ страдать и мучиться ежедневно въ ожиданіи вѣрной смерти“. Предлагаются самыя героическія средства. Всѣ средства, только бы разомъ окончить войну и побѣдить.

Одинъ изъ прожектеровъ говоритъ убѣжденно:

„Надо ничего не жалѣть и употребить всѣ средства, чтобы кончить скорѣе войну. Нуженъ, главное, войска и ополченія, и чтобы доставить ихъ какъ можно поспѣшнѣе на театръ войны, надо употребить для этого всѣ средства, не торгуясь; нуженъ фуражъ, дайте по три, по четыре рубля за пудъ сѣна, но чтобы онъ былъ. Словомъ, чтобы не нуждались мы ни въ чемъ, что намъ нужно для одолѣнія врага; чтобы мы не торговались на средства, изъ опасенія израсходовать много денегъ, на томъ основаніи, что какъ бы дорого все необходимое намъ ни обошлось, но все-таки оно будетъ дешевле, если война кончится въ скоромъ времени. Напротивъ, торгуясь и жалѣя большую трату денегъ, мы подвергаемъ этимъ самымъ опасности еще болѣе ихъ израсходовать, потому что замедляемъ исходъ войны, поставляя себя въ невозможность одолѣть врага. Надо доставлять порохъ не изъ Шостки, а построить новые заводы пороховые въ Перекопѣ и Бреславѣ. Мы могли также и устроить въ самое короткое время желѣзную дорогу отъ Москвы до Перекопа; для этого не нужны ни вокзалы, ни вагоны, а только рельсы для перевозки однѣхъ тяжестей“.

Другой генералъ, отличавшійся величавостью фигуры и самоувѣренностью тона, горячо доказывалъ, что наступательное движеніе русскихъ полковъ необходимо.

Орудійнаго огня бояться намъ нечего: надо только молодцами пройти линію прицѣльнаго ихъ выстрѣла; штуцерный ихъ огонь силенъ въ траншеяхъ, но въ полѣ никакого преимущества предъ нашимъ не имѣетъ; въ численности, правда, они имѣютъ предъ нами преимущество, но позиціи ихъ растянуты на 16 верстъ, тогда какъ мы сосредоточимъ наши силы на извѣстные пункты. — „Главное“, продолжалъ декламировать этотъ генералъ послѣ сытнаго обѣда и наслаждаясь куреніемъ сигары: „не надо ограничиваться полумѣрами, не надо останавливаться на полъпунктахъ. Бросьте прежде всего 60 и 80 эскадроновъ, и чтобы они летѣли, сломя голову, опрокидывая все, что имъ ни встрѣтится. Занявъ Ѳедюхины возвышенности, пѣхотѣ не останавливаться, но, вздохнувъ немного, — „трахъ—трахъ“, и впередъ на Сапунъ-Гору“. И съ этимъ словомъ: „трахъ — трахъ“, Бухмейеръ дѣлалъ преуморительный жестъ правою рукою. По-моему, весь комизмъ подобной выходки не въ томъ, что ораторъ разсуждалъ неосновательно, но въ томъ преимущественно, что онъ выдаетъ себя за горячаго партизана рѣшительныхъ и даже, можно сказать, отчаянныхъ мѣръ, зная наперёдъ, что персоналъ но не приметъ въ нихъ никакого участія.

Но главнокомандующій медлитъ съ наступленіемъ. Пылкія рѣчи однихъ нисколько его не вдохновляютъ. Наступательное движеніе не отмѣнено, а отложено на нѣсколько дней. Наступленіе въ принципѣ было давно рѣшено, но на дѣлѣ произвести его оказалось невозможнымъ. Прежде всего нуженъ мостъ



Подполковникъ 13-го восточно-сибирскаго полка

С. Карловичъ.

Герой Портъ-Артура, прибывшій на-дняхъ въ Петербургъ. Находясь постоянно на передовыхъ позиціяхъ, ни разу не былъ раненъ и не болѣлъ.



Портъ-артурцы по пути на родину.

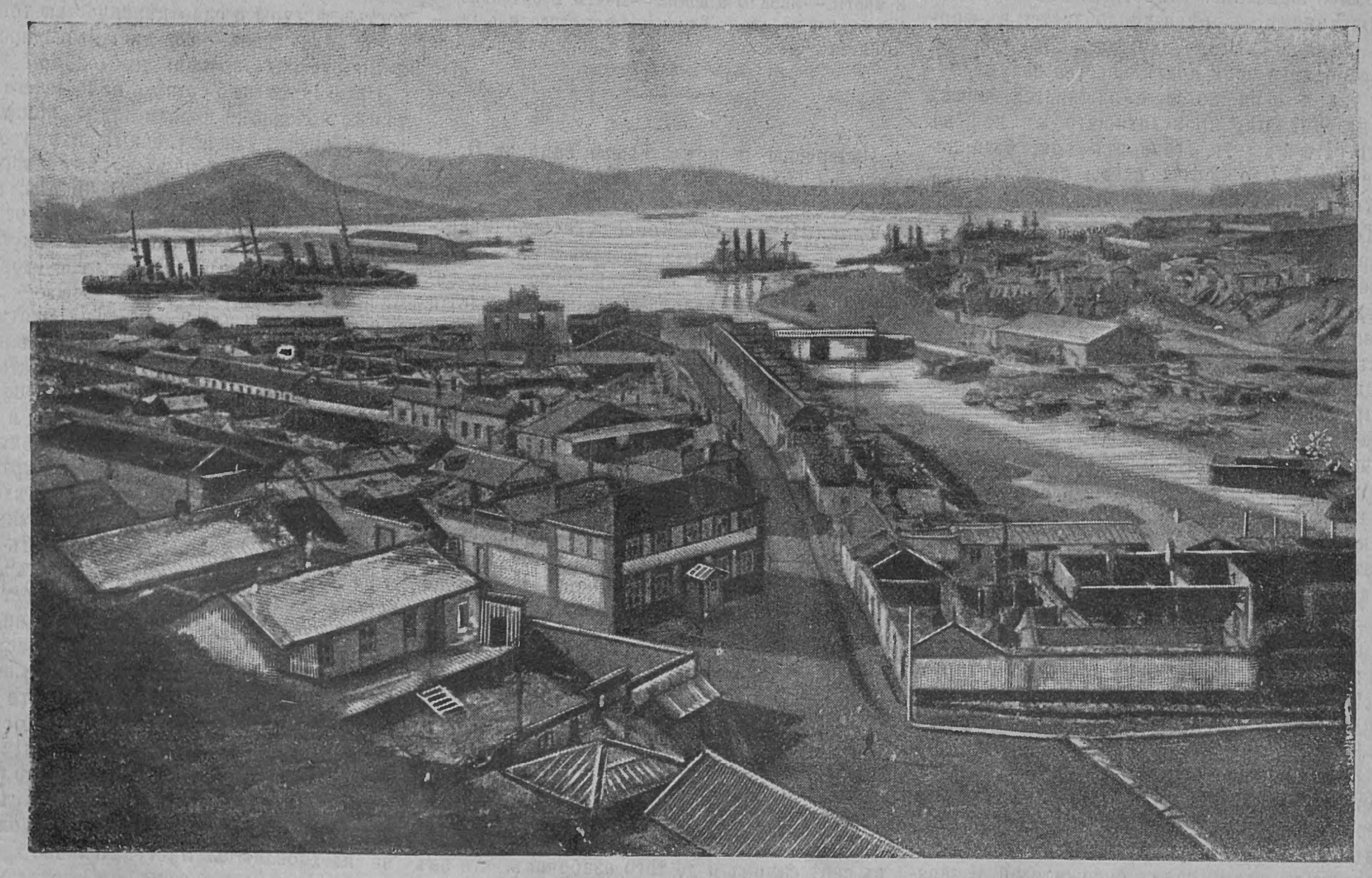
(Въ центрѣ г-жа Стессель съ сиротами портъ-артурскихъ героевъ).

Фотографія снята на палубѣ парохода „Св. Николай".

черезъ Сѣверную бухту. Нуженъ мостъ, а о мостѣ никто не думалъ. Мысль о его необходимости родилась случайно.

Подъ 9-е августа Глѣбовъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующій эпизодъ о тѣхъ же мостахъ.

Какъ будто нельзя держать солдатъ такъ, чтобы и на войнѣ онъ былъ такимъ же, какимъ представляется на смотры въ мирное время; развѣ нельзя придумать головной уборъ, который былъ бы и красивъ, и удобенъ: развѣ нельзя одѣть его такъ, чтобы платье его было и изящно, и спокойно? А теперь, напримѣръ, все то, что украшало солдата на смотрахъ: мундиры, каски, султаны, даже штаны — все это бросили, потому что все это оказалось неудобнымъ, неловкимъ, стѣсняющимъ въ движеніяхъ,—и пустили его на поле брани въ однихъ подштанникахъ, да въ безобразной шинели. Отъ этого теперь полки наши походятъ болѣе на толпу мужиковъ, чѣмъ на благоустроенное и дисциплинированное войско.



Портъ-Артуръ въ дни капитуляціи.

Въ центрѣ проходитъ Пушкинская улица.

Фотографія снята въ концѣ декабря истекшаго года.



„Смерть графа Келлера“. — Картина Н. Н. Бунина.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

„На бивакѣ“. — Изъ серіи новыхъ набросковъ на театрѣ войны Н. С. Самокиша.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
(См. ст. на стр. 55).

## II.

Сѣрая сермяжная масса, выдѣлившая изъ себя столько истинныхъ героевъ во время осады, вызываетъ въ авторѣ записокъ порицаніе. Порицаніе внѣшнему ея чумазому виду. Старый фронтовикъ николаевскихъ временъ, воспитанный на красотѣ парадовъ, Глѣбовъ, не можетъ примириться съ внѣшнимъ видомъ русскаго солдата. Послѣдній, по его мнѣнію, „опустился до нельзя“, „по походкѣ и выправкѣ обратился въ первобытное состояніе —въ мужика“.

Мужицкій видъ арміи, собранной изъ милліоновъ крѣпостныхъ рабовъ, приводитъ Глѣбова въ смущеніе. Онъ сокрушенно думаетъ о томъ, что пройдетъ еще много времени, прежде, чѣмъ удастся снова „подтянуть русскаго солдата“.

Въ пеклѣ севастопольской страды—недавній щеголь столичныхъ парадовъ превратился въ заброшенное существо „безъ галстуха, въ грязной рубахѣ и съ накинутой на плечи безобразной шинелью“, которую онъ носилъ, какъ звѣрь шкуру, во всѣ времена года,—и лѣтомъ, когда жара доходитъ до 40 градусовъ, и зимою, когда холодъ въ 30 градусовъ.

Впрочемъ, видъ русскаго солдата пробуждаетъ въ наблюдателѣ-авторѣ „Записокъ“ и другія мысли. Онъ рѣзко подчеркиваетъ нашу двойственность. „У насъ какъ будто два особыхъ войска: одно для мирнаго, а другое для военнаго времени“.

Въ Главной квартирѣ разнесся слухъ, будто бы главнокомандующій представилъ къ наградамъ всѣхъ генераловъ, за исключеніемъ графа Орлова и Бухмейера. Этотъ послѣдній огорчился и пріѣхалъ подѣлиться своимъ горемъ съ Крыжановскимъ, жалуясь ему на свои неудачи по службѣ. Крыжановскій, какъ человѣкъ прямой, откровенно сказалъ ему, что его и не за что представлять къ наградѣ, такъ какъ онъ ничего въ арміи не дѣлаетъ.

— Какъ ничего?—возразилъ Бухмейеръ:—кто же построилъ мостики черезъ Черную рѣчку, какъ не я?

— Мостики, а не мосты,—смѣясь, сказалъ Крыжановскій:—но вотъ, если бы вы построили намъ мостъ черезъ бухту, то это было бы дѣло славное.

И говоря это, самъ Крыжновскій вовсе и не думалъ о возможности построить мостъ черезъ бухту.

— Да на какомъ же мѣстѣ его построить?

— Какъ на какомъ?—тѣмъ же тономъ продолжалъ Крыжановскій, — у выхода, гдѣ затоплены корабли: вамъ стоитъ только перебросить черезъ нихъ доски, и мостъ готовъ.

Черезъ три или четыре дня снова пріѣзжаетъ Бухмейеръ, и уже серьезно объявляетъ Крыжановскому, что онъ находитъ возможнымъ построить мостъ черезъ бухту, но только не у выхода, а посрединѣ бухты, и что онъ составилъ уже и смѣту, и проситъ его доложить обо всемъ главнокомандующему. Крыжановскій отказался докладывать князю, но, одобривъ вполнѣ мысль Бухмейера, предложилъ ему самому доложить главнокомандующему. Такимъ образомъ, отъ шутки — родилась мысль о столь важной работѣ, которая принесетъ намъ, безъ сомнѣнія, пользу необычайную, если только будетъ окончена прежде паденія Севастополя. Да и смѣта незначительная: всего 30 тысячъ рублей.

Такіе эстеты, возмущенные видомъ сѣраго мужичья, успокаивали свои нервы и находили примиреніе съ дѣйствительностью посредствомъ созерцанія „женскихъ формъ“. Созерцали, смаковали и успокаивались, несмотря на то, что „женскія формы“ не принадлежали „купальщицамъ-красавицамъ“.

Въ „степи и жукъ мясо“,—даетъ ремарку Глѣбовъ, поясняя далѣе, что если въ осажденномъ Севастополѣ находились любители созерцанія женскихъ несовершенныхъ формъ, то въ Петербургѣ многія „дамы высшаго полета“ (?!) были большими „любительницами до изящныхъ мужскихъ формъ“.

„Любительницы“ нерѣдко выступали въ роли покровительницъ и „сами, сходя съ ума“, выдвигали впередъ своихъ протеже по лѣстницѣ государственныхъ и служебныхъ отличій...

„Любви всѣ возрасты покорны“, а красота „формъ“—страшная сила...

***Ник. Носковъ.***

## Забавный обычай и грустная дѣйствительность.

(Изъ жизни эскадры адмирала Рожественскаго).

Переходъ черезъ экваторъ—это въ нѣкоторомъ родѣ таинство для моряка, утратившее, правда, свою цѣнность съ той поры, какъ парусники были вытѣснены паромъ. Но въ прежнія времена, и отчасти теперь, каждый морякъ ведетъ счетъ, сколько разъ онъ перевалилъ черезъ поясъ земли. Эта цифра иногда бываетъ почти сказочно-большой, и тогда въ ея знакахъ вы различаете особый символъ преданной любви человѣка къ стихіямъ водъ и суровую, напряженную борьбу, требующую много отваги... Короче говоря, передъ вами человѣкъ, имѣющій право гордиться своимъ внутреннимъ складомъ, выработаннымъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ проявленій жизни—борьбой со стихіей.

Переходъ черезъ экваторъ открываетъ новый міръ. Сѣверный вѣтеръ несетъ тепло; южный—холодъ. Солнце къ полудню становится на сѣверъ. Луна, только что родившаяся для сѣверныхъ жителей, умираетъ за экваторомъ. Новое небо, звѣзды новыя, чужія... Исчезаютъ Медвѣдицы, а созвѣздіе Южнаго Креста сіяетъ среди богатаго звѣздами южнаго неба.

Все это должно дѣйствовать на воображеніе и заставляетъ человѣка мысленно обернуться назадъ и сопоставить то, что онъ оставилъ въ прошломъ, съ тѣмъ, что раскрылось передъ нимъ въ настоящій моментъ. И если теперь, съ нашими отчетливыми познаніями о строеніи видимой вселенной, новый міръ южнаго полушарія все-таки отражается на человѣкѣ, то какимъ потрясеніемъ отзывалось это на древнихъ, съ ихъ обожествленіемъ природы:—Новое небо, новыя звѣзды,—все это новые боги...

Съ древнихъ временъ установился обычай, пересѣкая экваторъ, приносить въ той или иной формѣ жертвоприношеніе Нептуну. Этотъ обычай не исчезъ и сейчасъ, выродившись только въ форму забавной феерін, персонажъ которой, наряду съ выходцами языческаго міра, вмѣщаетъ въ себѣ представителей позднѣйшей цивилизаціи.

Удивительная цѣпкость, съ какой моряки держатся различныхъ преданій, мѣшаетъ имъ отпасть отъ установленныхъ традицій. Самые разсудительные капитаны бросаютъ монеты въ нѣкоторыхъ, наиболѣе опасныхъ мѣстахъ моря, гдѣ частыя крушенія судовъ создали легенду о свирѣпомъ божествѣ, которое необходимо смягчить „воздаяніемъ“.

Къ порядку суевѣрія относится также указанное выше празднованіе прохожденія черезъ экваторъ. Въ этомъ отношеніи не измѣнила стародавнимъ традиціямъ и эскадра адмирала Рожественскаго, и, вѣроятно, многимъ будетъ интересно узнать, какъ отпраздновался этотъ знаменательный моментъ.

На судахъ эскадры была поставлена феерическая картина, довольно своеобразная и, очевидно, подлаженная подъ вкусы большинства зрителей—матросовъ. Картина озаглавлена „Переходъ черезъ экваторъ“. Ея персонажъ очень великъ и разнообразенъ: главенствуетъ, конечно, Нептунъ, участвуетъ также Венера, а за этими двумя небожителями идетъ прочая мелкота, вродѣ наядъ, сиренъ, тритоновъ и неизмѣнныхъ спутниковъ всякой чертовщины—самихъ чертей. Но наряду съ этими представителями сверхъестественнаго имѣются и лица совершенно земныя, даже слишкомъ земныя, какъ, напримѣръ, парикмахеръ или мамка, на рукахъ у которой „запеленутая собака или поросенокъ“.

Что касается костюмовъ участвующихъ лицъ, то можно отмѣтить, что въ этомъ отношеніи не поскупились на лубочныя краски.

Приводимъ текстъ всей сценки, разыгранной среди океана, какъ дань вѣковому обычаю.

### ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЭКВАТОРЪ.

### ВЫХОДЪ.

Герольдъ.

Слѣдомъ за мной идетъ царь морской.
Будетъ по своему уставу
Чинить всѣмъ судъ и расправу.

Нептунъ.

Что за люди и по какой причинѣ
Тревожатъ меня въ морской пучинѣ?
Я владыка океана,
Подать мнѣ капитана.
(Капитанъ объясняетъ, какой корабль, куда и зачѣмъ идетъ).

Нептунъ.

Такъ нѣтъ что-ли вамъ чистаго пути океаномъ,
Прямо на экваторъ прете тараномъ,
И что за шумъ меня разбудилъ
И все мое царство переполошилъ,
И въ честь кого вы кричали
И мое бѣдное дитя перепугали,
(Мамка тискаетъ собаку, и она пищитъ).
Штурмана-то ваши, видно, плохого сорта,
Не ходили дальше Дагерорта.
Мои будутъ почище;
Ну-ка, ты, ползи, штурманище.
Да смотри, шевели руками,
А я познакомлюсь съ чумаками.
(Штурманъ и его помощникъ дѣлаютъ наблюденія.—Нептунъ продолжаетъ).
Первымъ дѣломъ, скажу для примѣра,—вотъ это Венера,
Шибко баба блудлива, зато въ нарядахъ не прихотлива.
Люблю ее за простоту—и, чтобы скрыть наготу,
Вспѣнитъ кругомъ воду—только и всего расходу.

Венера.

Молчи, старый болтунъ! господа, это царь Нептунъ,
А я Венера,—попросите сюда старшаго офицера.
(Старшій офицеръ проявляетъ свое удовольствіе по поводу знакомства и спрашиваетъ, что нужно).

Венера.

Хочу, чтобы вы сами познакомили съ вашими мичманами,
Такъ принято въ большомъ свѣтѣ—не то будете въ отвѣтѣ,
А зато я вамъ представлю своихъ придворныхъ дамъ.
Вотъ это наяды—показать рады,
Большія баловницы, вашимъ русалкамъ родныя сестрицы;

А вотъ это сирены—родятся отъ морской пѣны,
Имѣютъ зеленый волосъ и богатый голосъ,
Поютъ пѣсни хоровыя громче, чѣмъ сирены судовыя.

Нептунъ (перебиваетъ).

А это мои тритоны, прямо скажу, баритоны,
На раковинахъ играютъ чисто,—переплюнутъ вашего штабъ-горниста.
Да и вся моя свита,—не клиномъ сшита.
Эй, штурманъ! Чего повернулся задомъ,
Иди скорѣй ко мнѣ съ докладомъ.

Штурманъ.

Доношу вашему степенству безъ обмана,
Какъ пущенъ экваторъ поперекъ всего океана,
То какимъ имъ курсомъ не лечь,
А придется его пересѣчь.

Нептунъ.

Коли ужъ дѣлу оборотъ такой,
Придется имъ дать билетъ пропускной.
Возьми бинокль, да взгляни изъ-подъ руки, не сигналитъ-ли
Администраторъ, что сторожитъ нашъ экваторъ,
Нѣтъ-ли въ немъ искривленія
И во что обойдется исправленіе.

Штурманъ.

Ясно вижу два сигнала:
Экваторъ поврежденъ мало-мало,—
Исправленіе сдѣлаемъ; между прочимъ,
Надо только дать по чаркѣ рабочимъ.

Нептунъ.

А дастъ-ли капитанъ разрѣшеніе на это угощеніе.
(Капитанъ соглашается).
Вотъ это дѣло—поплывете впередъ смѣло
И не будетъ вамъ огорченья отъ вѣтра и отъ теченья,
Соберу дельфиновъ разомъ и по всѣмъ морямъ пошлю съ указомъ—
Чинить вамъ одно удовольствіе и не брать денегъ за рыбное продовольствіе.
Только скажу одно, какъ оно и заведено,
Слѣдуетъ по уставу надъ сѣрыми сотворить судъ и расправу:
Кто первый разъ меня пришелъ провѣдать,
Тотъ долженъ соленой воды отвѣдать.
Эй сюда, Люциферъ,
Подай сюда списокъ гг. офицеровъ!
Богатый можетъ откупаться,
А прочіе — ползи купаться.
Вы, прочіе россійскіе моряки,—
Мнѣ извѣстны какъ бѣдняки.
Съ васъ мнѣ ничего не собрать,
Буду я васъ всѣхъ купать.
Эй вы, мои вѣрные люди, всѣхъ хватай
Да водой морской поливай!

Какъ явствуетъ изъ финала, сцена завершилась купаньемъ въ морской водѣ, взятой изъ пучины экватора.

---

Отъ сценки, будто бы увеселительной, мы обратимся къ дѣйствительности. Представимъ себѣ, что уже стихъ послѣдній монологъ Нептуна, и поливаніе команды морской водой изъ брансбойта также кончилось. Если и было у кого-нибудь изъ зрителей незначительное увлеченіе всей происходившей возней, то теперь, говоря словами Фета—„мигъ одинъ—и нѣтъ волшебной сказки, и душа опять полна возможнымъ“.

И вотъ, одна изъ страничекъ возможнаго:

Мы идемъ въ походъ съ комфортомъ, и это наше преимущество, обыкновенно, составляетъ предметъ зависти сухопутныхъ офицеровъ. Мы имѣемъ прекрасный столъ, спимъ въ койкахъ и въ теплыхъ, иногда, правда, нестерпимо жаркихъ каютахъ. Наконецъ, мы можемъ сѣсть въ покойное кресло и пользоваться услугами судовой библіотеки.

„Все это несомнѣнный комфортъ, но я увѣренъ, что изъ ста офицеровъ—99 навѣрное промѣняютъ его на драгоцѣнное право совершить походъ въ человѣческихъ условіяхъ —не въ смыслѣ обереганія своего тѣла, конечно,—а въ смыслѣ духа. Мы оторваны отъ родины, идемъ два мѣсяца на войну, и никто не считаетъ своимъ долгомъ сообщить намъ, что дѣлается на театрѣ войны. Съ перваго октября мы ничего не знаемъ. Какіе-то отрывочные слухи, вносящіе тревогу, но не дающіе увѣренности факта, порождающіе мучительное безпокойство своими тяжелыми намеками. Не говорю уже о томъ, что никто изъ насъ не имѣетъ никакихъ вѣстей отъ родныхъ“ (13-го декабря).

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

„Слухи о возможности нападенія изъ-за угла ставятъ сразу весь личный составъ въ положеніе исключительно-напряженное. Требуется, чтобы по пробитіи тревоги всѣ были бы наверху черезъ ½ минуты. Конечно, ночь уже надо проводить не раздѣваясь. И это требованіе не капризъ, такъ какъ ясно, что, если корабль не можетъ открыть огонь по миноносцу черезъ ½ минуты, то онъ самъ долженъ будетъ погибнуть. Въ цѣляхъ тренировки команды, каждый день бьется тревога отбитія минныхъ атакъ. Орудія остаются готовыми всю ночь, съ поданными къ нимъ патронами изъ погребовъ. Прислуга спитъ около орудій“.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

Далѣе въ письмѣ,—съ назойливостью исстрадавшагося человѣка, — снова тянутся еще болѣе горькія жалобы на безмолвіе родины.

„Грустно сознавать, что Россія забыла о людяхъ, жаждущихъ свѣдѣній съ театра войны. „Съ глазъ долой—изъ сердца вонъ“. Вѣроятно, въ Россіи думаютъ: „эскадра пошла, идетъ и пусть плыветъ дальше, а мы посмотримъ со стороны, какъ она дойдетъ и какъ выполнитъ свою задачу“.

„А между тѣмъ, малѣйшая вѣсточка съ театра войны была бы немедленно отпечатана въ сотняхъ экземплярахъ и проглочена истосковавшимися въ невѣдѣніи, голодными людьми“.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

Итакъ, читатель, если вы вспыхнули негодованіемъ, если бутафорская борода будетъ ошибочно принята вами за дѣйствительную, и механику дѣла вы сочли за отраженіе духа,— то сумѣйте различить мятущуюся, неспокойную тоску въ приведенныхъ выше строкахъ. Говорите непремѣнно всѣмъ и каждому, что только полная освѣдомленность въ происходящемъ дастъ сознательную крѣпость духа, и что, поэтому, нельзя предоставить отрѣзанныхъ отъ родины сыновъ Россіи на растерзаніе смутнымъ слухамъ, въ которыхъ не различишь, гдѣ кончается правда и начинается вольная фабрикація.

Сознайте, наконецъ, что намъ, окруженнымъ людьми одной съ нами крови, тяжело переносить свершающіеся опредѣленные факты, но, что въ тысячи кратъ тяжелѣе урывать неопредѣленные и чаще всего преувеличенные слухи отъ чужихъ людей.

У чужихъ людей есть цинизмъ откровенности, но нѣтъ сочувствія горю...

*Бор. Демчинскій.*



## Академикъ Н. С. Самокишъ.

(Къ картинамъ на стр. 53 и 56).

Академикъ батальной живописи Н. С. Самокишъ — уроженецъ Черниговской губерніи. Предки его были запорожцы. Этимъ отчасти объясняется то направленіе, которое избралъ себѣ въ живописи даровитый художникъ, его любовь къ оружію, къ лагерной боевой жизни—стремленія, безъ которыхъ трудно сдѣлаться настоящимъ, вооруженнымъ необходимыми знаніями баталистомъ.

Окончивъ нѣжинскую гимназію, Самокишъ поступилъ въ академію художествъ. Быстро переходя изъ класса въ классъ, онъ очутился въ батальномъ, которымъ завѣдывалъ тогда покойный Виллевальдъ.

Занятія въ батальномъ классѣ шли по разъ навсегда установившейся рутинѣ. Въ темную мастерскую, съ темными стѣнами, приводили темную кавалергардскую лошадь. И этюды получались темные, лишенные воздуха, словно закопченные. Эта система не удовлетворяла Самокиша. Его тянуло изъ темной мастерской съ ея темной кавалергардской лошадью въ академическую библіотеку, гдѣ онъ цѣлыми часами просиживалъ надъ репродукціями и офортами съ Мейсонье, Невилля и Детайля.

За программу „Гвардейскіе уланы возвращаются съ атаки въ 1812 году“, находящуюся теперь въ академическомъ музеѣ, Самокишъ получилъ большую золотую медаль и четырехлѣтнее заграничное пенсіонерство.

Черезъ нѣкоторое время, благодаря лишь большой протекціи, Самокишъ сдѣлался ученикомъ Детайля. Самъ единственный ученикъ Мейсонье, Детайль тщательно избѣгалъ преподавательской дѣятельности.

При всемъ своемъ мастерствѣ, сухой, разсудочный Детайль не производилъ на Самокиша такого сильнаго впечатлѣнія, какъ яркій колористъ Невилль, озарявшій свои картины творческимъ огнемъ и настоящей трепещущей жизнью. Нравилась русскому художнику и техника Невилля, эскизная, бурная, порывистая. Самокишъ превосходно съ удивительною точностью скопировалъ въ Люксембургѣ одинъ изъ лучшихъ эскизовъ Невилля, гдѣ французскіе солдаты подъ убійственнымъ свинцовымъ дождемъ пытаются поджечь двери дома, гдѣ засѣли пруссаки.

Во время своего пенсіонерства Самокишъ ѣздилъ въ Самаркандъ и на Кавказъ—и много тамъ работалъ съ натуры. Возвратившись въ Россію уже совсѣмъ, онъ за цѣлую серію батальныхъ картинъ и этюдовъ получилъ академика.

Семь мѣсяцевъ пробылъ Самокишъ на Дальнемъ Востокѣ, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ и вернулся оттуда съ большимъ количествомъ,—около двухсотъ—рисунковъ, этюдовъ и акварелей. Въ свое время объ этихъ интересныхъ вещахъ мы говорили подробно. Онѣ будутъ выпущены отдѣльнымъ альбомомъ, съ текстомъ автора, заключающимъ въ себѣ его путевыя и военныя впечатлѣнія. Что же касается оригиналовъ, то весьма будетъ жаль если они разойдутся по частнымъ рукамъ.

*Б.*

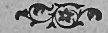
## ПОДДѢЛКА ПОДПИСЕЙ МИЛЛІАРДЕРА КАРНЕДЖИ.

Въ Кливлэндѣ, въ Америкѣ, недавно разбиралось любопытное дѣло по обвиненію нѣкоей г-жи Кэдвикъ въ поддѣлкѣ подписей извѣстнаго архимилліонера Карнеджи на векселяхъ, учитанныхъ ею затѣмъ въ различныхъ второстепенныхъ американскихъ банкахъ. Общая сумма мошеннически добытыхъ такимъ образомъ г-жей Кэдвикъ денегъ исчисляется



Генералъ-маіоръ Н. А. Третьяковъ,
герой Портъ-Артура, раненъ.

въ нѣсколько милліоновъ долларовъ... Авантюристка выдавала себя за побочную дочь Карнеджи, и даже послѣ обнаруженія ея подлоговъ, уже на предварительномъ слѣдствіи, держала себя увѣренно и съ достоинствомъ, повторяя, что „отецъ“ не только уплатитъ всѣ ея долги, но и приметъ всѣ мѣры къ избавленію ея отъ угрожающаго ей наказанія. Карнеджи, дѣйствительно, уплатилъ пострадавшимъ отъ подлоговъ американскимъ банкамъ, въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ очутились, благодаря своей излишней довѣрчивости, на краю гибели, и милліардеръ, для котораго нѣсколько милліоновъ ничего не значатъ, вошелъ въ положеніе мелкихъ вкладчиковъ пострадавшихъ банковъ. Но съ тѣмъ большей энергіей Карнеджи повелъ дѣло противъ авантюристки, на примѣрномъ наказаніи которой настаиваетъ. Милліардеръ самъ явился въ Кливлэндъ, чтобы дать предъ присяжными свое показаніе въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу. Предъявленныя ему подписи онъ всѣ призналъ подложными и заявилъ, что никогда не представлялъ себѣ, чтобы можно было кого-нибудь обмануть такой грубой, неловкой поддѣлкой.





Художникъ Н. С. Самокишъ.
(См. ст. на стр. 55).



Подполковникъ баронъ И. Р. Мирбахъ.
убитый въ бою у деревни Санюхень, 15-го февраля.

„На развѣдкѣ“. — Изъ серіи новыхъ набросковъ на театрѣ войны Н. С. Самокиша.
Со снимка нашего фотографа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
(См. ст. на стр. 55).

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская ул., соб. д. 25. Редакторъ-издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“ С. М. Пропперъ.